

Благоустройство Москвы и Городская дума в 1797–1799 гг.

В статье показана роль Городской думы в мероприятиях по благоустройству Москвы в начале царствования Павла I вплоть до введения новой системы общественного управления старой столицей весной 1799 г. Особое внимание уделено влиянию на работу Думы распоряжений императора. Дается характеристика произошедших в 1797–1798 гг. изменений компетенции Думы в вопросах, связанных с проблемами благоустройства города. Рассматривается деятельность Думы по регулированию городской торговли и организации переправ через Москву-реку.

Ключевые слова: Городская дума, городское благоустройство, Павел I, оброчные статьи, мощение мостовых, пожары, переправы.

В ноябре 1796 г. после смерти императрицы Екатерины II на престол вступил ее сын, император Павел I. В начале его царствования активизировались работы по благоустройству старой столицы. По распоряжению императора было возобновлено строительство городского водопроводного канала, продолжилось благоустройство набережных Москвы-реки, проводились мероприятия по очистке р. Яузы. Городская дума не принимала участия в этих мероприятиях. Основная ответственность за их проведение ложилась на московских военных губернаторов, Экспедицию кремлевского строения, Управу благочиния (полицию) во главе с обер-полицмейстером и инженеров-строителей. В то же время согласно 167-й статье «Городового Положения» городское благоустройство находилось в том числе и в ведении Думы. Шестым пунктом 167-й статьи ей предписывалось «наблюдать за прочностью публичных городских зданий, стараться о построении всего потребного, о заведении

площадей для стечения народа по торгу, пристаней, анбаров, магазейнов и тому подобного, что может быть для города потребно, выгодно и полезно»¹. В данной статье проанализирована роль первой Думы в мероприятиях по благоустройству Москвы в последний период ее работы, при этом речь пойдет только о Шестигласной думе, так как изредка собиравшаяся Общая дума в этот период времени не выносила решений по интересующим нас вопросам.

В начале правления Павла I на деятельности Думы продолжали сказываться негативные тенденции, обнаружившиеся еще в екатерининское царствование. Губернская администрация по-прежнему стремилась контролировать каждый шаг учреждения общегородского самоуправления. В свою очередь, гласные находились под давлением городского головы. Немногочисленные инициативы Думы не получали поддержки со стороны высшего начальства. Дума оставалась купеческо-мещанской по своему составу. Отсутствовало взаимодействие между общегородским и дворянским самоуправлением. Негативное влияние на работу Думы имели пробелы и противоречия екатерининского законодательства. Ее компетенция и взаимоотношения с другими учреждениями были очень приблизительно обозначены в «Городовом Положении». Однако, несмотря на указанные затруднения, Дума продолжала работать, оказывая значительное влияние на экономику города.

Проблемы городского благоустройства в деятельности Московской думы затрагивались в работах А.А. Кизеветтера², П.В. Сытина³, Л.Ф. Писарьковой⁴. Исследователи обращали внимание на незначительность проводившихся Думой мероприятий по благоустройству столицы. Так, Л.Ф. Писарькова приходит к подобному выводу на основе анализа доходных и расходных статей совокупного бюджета Москвы за 1786–1792 гг. Статья «Благоустройство» включала в себя затраты на изготовление рыночных знамен и покупку весов для скотопригонного двора, платежи за наем помещения для аптеки и «музыку у Воскресенских ворот». Эти расходы были далеки от решения тех задач, которые входят в понятие «благоустройство»⁵. Между тем некоторые направления деятельности Думы на сегодняшний день остаются за рамками научных интересов историков. Особенно плохо изучена ее работа в начале царствования Павла I вплоть до ликвидации учреждения в связи с введением новой системы общественного управления столицей весной 1799 г.

Для решения поставленной задачи были актуализированы неизученные архивные источники из двух фондов ГБУ «Центральный

государственный архив города Москвы» (ЦГА г. Москвы). В фонде 14 (Московские городские Общая и Шестигласная думы) привлекались погодные журналы и протоколы заседаний Шестигласной думы. В фонде 16 (Управление московского генерал-губернатора) были выявлены документы, проходившие через канцелярию московских военных губернаторов. Характеристика деятельности Думы в начале правления Павла I потребовала актуализации отдельных документов и из Российского государственного архива древних актов (РГАДА). В фонде 263 (V департамент Сената) интерес вызвали журналы и протоколы заседаний 5-го московского департамента Сената, который контролировал деятельность находившихся в Москве центральных и местных учреждений. Департамент отвечал на запросы Губернского правления, некоторые из которых касались изменений в работе Думы в связи с претворением в жизнь указов и распоряжений Павла I. В фонде 16 (Внутреннее управление) была проанализирована переписка о водоснабжении Москвы за 1797–1803 гг. Актуализация новых архивных материалов необходима для оценки степени эффективности и выявления конкретных результатов работы Думы по тем направлениям деятельности, которые имели отношение к проблемам благоустройства столицы.

Привлекая материалы перечисленных выше архивных фондов, рассмотрим изменения в работе Думы в начале павловского правления. В 1786–1796 гг. проблемы благоустройства в деятельности Думы были тесно связаны с отдачей в содержание оброчных статей. Так назывались объекты городской собственности, сдававшиеся с торгов в аренду просителям (купцам и мещанам). Они служили важным источником поступления доходов в бюджет города. К ним относились весы, подвижные лавки, оброчные земли, рыбные ловли, лодочные перевозки, платъемойные плоты, водопойные и конопойные проруби. При Павле I в 1797–1798 гг. произошло сужение компетенции Думы в вопросах эксплуатации оброчных статей, из-за чего по некоторым из них прекратились поступления в городской бюджет. Так, Дума потеряла право отдавать в оброчное содержание весы. 9 февраля 1797 г. в Думе рассмотрели сообщение от полицмейстера П.Н. Каверина о торговых площадях, где указывалось на завышение цен арендаторами за пользование весами, отмечалось, что торговые флаги «пришли в совершенную ветхость», а многие торговые площади не мощены⁶. Полицмейстер потребовал от Думы поставить новые весы и флаги и вымостить площади. 8 мая 1797 г. обер-полицмейстер вошел в присутствие Думы и объявил собравшимся устное соизволение Павла I:

1е чтоб на Москве-реке впредь никаких шелашей не было для торговли во оных; 2е чтоб все торговые площади мостить от Шестигласной думы и иметь на оных весы сходственно с Городовым Положением для всех приезжающих на торг даром, также флаги иметь на всех площадях⁷.

Таким образом Думу лишили одного из источников дохода, но при этом расширили ее полномочия, вменив в обязанность мощение торговых площадей⁸.

Вероятно, инициатором указа от 8 мая 1797 г. был не Павел I, а П.Н. Каверин, обер-полицмейстер сам активно занимался благоустройством Москвы. В 1797 г. он иногда контактировал с императором по этому поводу напрямую, т. е. в обход московских властей. Так, в 1797 г. П.Н. Каверин доносил военному губернатору Москвы князю Ю.В. Долгорукову, что государь приказал ему посадить березки в Белом городе, на что требовалось 16 560 рублей. Военный губернатор отвечал, что на это он ни повеления, ни денег у себя в распоряжении не имеет⁹. Следует обратить внимание и на тот факт, что передача в ведение Московской думы мощения торговых площадей противоречит общему направлению политики Павла I в области городского самоуправления, направленной в целом на сужение компетенции екатерининских городских учреждений.

По поводу необходимости исполнения устного указа Павла I от 8 мая 1797 г., переданного через обер-полицмейстера, у Думы возникли вопросы (по законодательству обер-полицмейстер не относился к категории чиновников, которые были правомочны передавать устные распоряжения императора¹⁰), в связи с чем она апеллировала к Губернскому правлению¹¹ и 5-му департаменту Сената¹². В конечном итоге ответственность за исполнение устного указа была переложена на управляющего гражданской частью в Москве и Московской губернии военного губернатора князя Ю.В. Долгорукова, который издал отдельные предписания о размещении шалашей¹³ и об установке казенных весов и флагов на торговых площадях. О мощении торговых площадей общего распоряжения военного губернатора не последовало.

19 августа 1797 г. Ю.В. Долгоруков приказал Управе благочиния наблюдать за тем, чтобы никто не строил шалашей на льду Москвы-реки. В тот же день военный губернатор сообщил Шестигласной думе, что по требованию Я.Е. Сиверса предписал полиции следить, чтобы реки в Москве не были засорены навозом и нечистотами. Ю.В. Долгоруков констатировал, что загрязнение Москвы-реки зимой происходит из-за размещения на льду шала-

шей для торговли щепным и прочим товаром. Вследствие этого и в соответствии с упомянутым устным указом Павла I он запретил Думе позволять постройку шалашей. 21 августа 1797 г. Дума приказала Купеческому обществу шалашные места больше из оброка не отдавать и прислать сведения о том, за какую сумму они были отданы¹⁴. 22 января 1798 г. вопрос рассматривался на Гражданском совете Купеческой гильдии, было решено полностью отказаться от содержания шалашей с исключением за них из оброчной суммы 931 рубля 98 ½ копеек¹⁵. 3 марта 1798 г. Дума отрапортовала об этом в Казенную палату¹⁶.

Более сложным представляется вопрос о передаче Шестигласной думе полномочий по мощению торговых площадей. Ю.В. Долгоруков не сделал общего распоряжения по данному вопросу. При просмотре документов за 1797–1799 гг. удалось обнаружить лишь единственное краткое упоминание об этом в связи с прошением купца Николая Сергеева сына Шевелева от 16 сентября 1797 г., где речь шла о площади рядом с Тверским лесным рядом по дороге от Триумфальных ворот к Тверской заставе (в 13-й Пресненской и 14-й Сушевской частях), на которую приезжают поселяне для продажи леса. Шевелев просил разрешения на казенной земле позади площади поставить для поклажи леса пять сараев. А поскольку вся площадь была в глубоких рытвинах, заполнявшихся водой в непогоду, особенно весной и летом, отчего «бывает неудобольствие такое, что во оные времена едва можно проехать чрез то место конным, а пешим и пройти никакого способу нет», он предлагал на свои деньги заровнять рытвины. По справке из Управы благочиния на площади имелся ветхий мост и были рытвины, что действительно создавало множество проблем в плохую погоду. По этому вопросу Дума обратилась за резолюцией к Ю.В. Долгорукову¹⁷. 15 октября 1797 г. в Думе заслушали «предложение» военного губернатора, который отказал в прошении Шевелеву, поскольку «площади назначены для привозу в город всего нужного к продаже, то и не должно оныя ничем застроивать», но при этом указал Думе, что «если приезд на той площади неудобен в грязное время, то Дума долг имеет, дабы удобнее было привозить все туда для продажи, исправить оную площадь и вымостить, где должно, что на ее попечение и относит». Однако в резолюции Думы про мощение площадей ничего не было сказано¹⁸.

Как видим, из всех частей устного указа императора от 8 мая 1797 г. полностью было выполнено только распоряжение о запрете размещать шалашы на льду Москвы-реки. К мощению торговых площадей и установке на них казенных весов Дума так и не приступила.

В документах Думы нашли отражение проблемы санитарно-гигиенического состояния реки Яузы, хотя сама Дума в этом участия не принимала. В 1797–1798 гг. меры по очистке и благоустройству берегов Яузы предпринимались по распоряжению Павла I, поскольку жители Немецкой слободы жаловались на неприятный запах, распространявшийся от загрязненной реки. В ходе работ в 1797 г. были спущены пруды на Яузе ниже Дворцового моста¹⁹.

В 1797 г. по распоряжению московских властей Дума вместе с Городовым магистратом выдвигала инициативы по борьбе с пожарами. 7 августа 1797 г. гласные узнали о том, что гражданский губернатор П.М. Козлов дал городскому голове В.Я. Жигареву копию указа 1-го департамента Сената с ордером, по которому Дума и Магистрат должны были решить вопрос о компенсации за утраченное имущество пострадавшим при пожарах и других «общественных нещастиях»²⁰. Однако военный губернатор этих инициатив не поддержал. Через П.М. Козлова Ю.В. Долгоруков сообщил Думе, что она «весма далеко уклонилась от предмета ей подлежащего и обратила внимание свое на часть ей непринадлежащую». Военный губернатор считал, что Московская полиция хорошо справляется с обязанностями по тушению пожаров²¹.

В 1798–1799 гг. Дума вместе с полицией обеспечивала действие переправы через Москву-реку, когда в весеннее половодье разбирался «живой» Москворецкий мост. С этой целью Дума выдавала изобретателю Н.И. Платонову разрешения на запуск паромов «самолетов» его собственной конструкции для перевозки пассажиров. Одновременно с паромом продолжали функционировать лодочные перевозки на Москве-реке и Яузе, сдававшиеся Думой купцам и мещанам в оброчное содержание.

16 марта 1798 г. гласные заслушали предписание первого военного губернатора Москвы И.П. Салтыкова. В преддверии вскрытия льда на Москве-реке он приказал Думе организовать перевоз военнослужащих, для чего, помимо вольного перевоза у Дорогомиловского, Москворецкого и Краснохолмского мостов, иметь наготове по четыре большие лодки. Военный губернатор также распорядился до починки Москворецкого моста на прежнем месте запустить паром «самолет». Обер-полицмейстер П.Н. Каверин требовал прислать к нему лодочников, которые должны были обслуживать лодки для перевоза военных, чтобы сделать им особое наставление. Вызванные в Думу по повестке перевозчики-мещане обязались, помимо малых лодок, держать для перевоза военнослужащих днем и ночью «без малейшей остановки» четыре большие лодки. С пере-

возчиками на основании Камер-коллежского регламента заключили контракт с поручительством и выдали им билеты с прописанием следующих условий:

1е чтоб лотки иметь твердые и безопасныя и все принадлежности исправныя; 2е брать за перевоз без малейшаго притеснения, пьяных к перевозу по известной опасности отнюдь не допускать; 3е лотки чрезмерным количеством людей не отягощать и сажать посколку от будущих для сего со стороны Полиции зрителей будет; 4е во время несчастных от пожара и от наводнения случаев быть им как днем, так и ночью порою безотлучно и имеющим нужду подавать руку помощи; 5е сверх полного перевоза для военнослужащих иметь всегда в готовности четыре большие лотки, коих перевозить поспешно, не требуя с них отнюдь никакого платежа, а в случае переезда воинской команды и всех вообще военнослужащих последует хотя малейшая остановка, то подвержены будут всякому законному взысканию²².

22 марта 1798 г. в Думу явился отставной коллежский регистратор Никита Платонов. Он выразил желание поставить на свои деньги у Москворецкого моста прочный и безопасный для перевозок паром «самолет» и перевозить на нем как военных, так и людей всякого звания, не требуя ни от кого никакой платы. Из городских доходов он просил на это 147 рублей. В Думе с Платоновым заключили контракт, оговорив в нем условия содержания парома:

1е паром называемой самолет иметь ему, Платонову, твердой и к перевозу прочной и все ко оному принадлежности исправныя; 2е за перевоз ему, Платонову, отнюдь ни с кого не брать, а перевозить как военнослужащих, а равно и всякаго звания людей даром; 3е оной паром чрезмерным количеством людей не отягощать, но сажать по сколку от будущих для сего со стороны зрителей назначено будет; 4е во время несчастных от пожара и от наводнения случаев быть ему, Платонову, и работникам ево в готовности как днем, так и ночью порою и имеющим нужду подавать руку помощи...

Половину денег отставному коллежскому регистратору должны были выдать в апреле, а оставшуюся часть после завершения постройки Москворецкого моста. О своем решении Дума постановила доложить обер-полицмейстеру П.Н. Каверину, чтобы Платонова допустили к содержанию, а за паромом организовали присмотр²³.

30 апреля 1798 г. на заседании Думы рассматривалось прошение Никиты Платонова о взятии в содержание «самолета» на четы-

ре года с платежом в городской бюджет 50 рублей в год²⁴. Впервые оно упоминается в документах Думы еще до того, как в нее поступило распоряжение И.П. Салтыкова об организации перевоза военнослужащих и запуске парома²⁵. Платонов хотел построить «самолет» на собственные деньги и брать с переезжающих только добровольную плату. Он планировал получать с людей за переезд не более одной копейки, а «казенных» и бедных перевозить бесплатно²⁶. К тому моменту изобретатель уже содержал паром на других условиях, и, судя по документам Думы за более позднее время, его прошение не было удовлетворено.

23 марта 1799 г. гласные заслушали «предложение» И.П. Салтыкова. Он приказал на одну весну на время разборки Москворецкого моста отдать в содержание паром Н.И. Платонову. Изобретателю в Шестигласной думе выдали билет на перевоз пеших людей у Москворецких ворот до возобновления моста. Он должен был построить прочный «самолет» из хорошей и твердой барки и на свои деньги содержать рабочих, а на случай опасности иметь две большие лодки. Платонову разрешалось взимать только добровольную плату с переезжающих по одной копейке с человека. Военных и «недостаточных» людей он был обязан перевозить бесплатно. Содержателю предписывалось лично наблюдать за безопасностью парома. Если же «самолет» к началу половодья приготовлен не будет или после его постройки при перевозе пеших людей «сделается остановка» или кто-то утонет, то за это Платонов понес бы ответственность в соответствии с указами. С него взяли обязательство в выполнении этих условий и приняли 80 рублей за содержание парома²⁷. 14 апреля 1799 г. обер-полицмейстер Ф.Ф. Эртель отпартовал второму военному губернатору И.П. Архарову, что «самолет» был за день до того спущен на воду в десятом часу по полуночи. Полицмейстер первого отделения засвидетельствовал его прочность и безопасность для перевоза людей²⁸.

Таким образом, при организации переправы через Москву-реку в весеннее половодье роль Городской думы обычно сводилась к выдаче разрешений и получению от содержателей доходов в московский бюджет. Реже Дума по распоряжению властей выделяла арендаторам средства из городских доходов. Постоянный же надзор за мостами и перевозами был вне компетенции Думы, его осуществляла Управа благочиния, которая должна была наблюдать за исправным состоянием дорог, улиц, мостов и переправ в городе, предместье и на городской земле²⁹. На деле нечеткость в законодательстве относительно разграничения функций Думы и полиции приводила к тому, что оба учреждения занимались решением разных аспектов одних и тех же проблем.

17 января 1799 г. Павел I распорядился упразднить Городскую думу³⁰. В тот же день он подписал «Устав столичного города Москвы». По нему заведывание городским хозяйством передавалось Камеральному департаменту Московского ратгауза, который подчинялся Департаменту Комиссии о снабжении резиденции припасами, распорядком квартир и прочих частей, до Полиции относящихся³¹. Складывалась новая модель общественного управления Москвы.

Таким образом, при Павле I произошло сужение компетенции Думы в вопросах эксплуатации доходных мест. Тем не менее в 1797–1799 гг. Дума наряду с полицией продолжала играть важную роль в регулировании городской торговли и организации переправ через Москву-реку. В этих направлениях деятельности Дума влияла на благоустройство через выполнение отдельных распоряжений московских властей и отдачу в содержание оброчных статей. Главной целью значительной части принимавшихся Думой решений было увеличение доходов городского бюджета, который затем расходовался по усмотрению губернского руководства. Проблемы благоустройства города в этой системе часто отодвигались на второй план. Московские и центральные власти не привлекали Думу к проводившимся в этот период крупным мероприятиям по городскому благоустройству (благоустройство набережных Москвы-реки, строительство городского водопроводного канала). При решении проблем благоустройства столицы ей обычно принадлежала не главная, а вспомогательная роль. Однако эту роль нельзя недооценивать.

Примечания

¹ ПСЗ-1. Т. 22. № 16188. С. 383.

² Кизеветтер А.А. Городовое положение Екатерины II: Опыт исторического комменатария. М., 1909. С. 410–412.

³ Сытин П.В. История планировки и застройки Москвы: В 3 т. М., 1954. Т. 2. С. 221–223.

⁴ Писарькова Л.Ф. Городские реформы в России и Московская дума. М., 2010. С. 49–53.

⁵ Там же. С. 50.

⁶ Подробно о мостовых в Москве см.: Щербо Г.М. Московские мостовые за 900 лет. М., 1995.

⁷ ЦГА г. Москвы Ф. 14. Оп. 12. Д. 492. Л. 163–163 об.; Д. 493. Л. 299 об.–300.

- ⁸ За мощение мостовых в Москве отвечала Управа благочиния и лично обер-полицмейстер, отчитывавшийся за состояние мостовых перед военным губернатором.
- ⁹ *Гастев М.С.* Материалы для полной и сравнительной статистики Москвы. М., 1841. С. 164–165.
- ¹⁰ См.: ПСЗ-1. Т. 16. № 11592. С. 9, 10; № 11704. С. 107.
- ¹¹ ЦГА г. Москвы. Ф. 14. Оп. 12. Д. 492. Л. 163–163 об.; Д. 493. Л. 299 об.–300.
- ¹² РГАДА. Ф. 263. Оп. 2. Д. 76. № 74.
- ¹³ По всей вероятности, распоряжение Павла I о запрете ставить шалаши на Москве-реке наложилось на требования главного директора водяных коммуникаций Я.Е. Сиверса о содержании в чистоте московских рек от 28 апреля 1797 г. Доклад Я.Е. Сиверса был утвержден императором (РГАДА. Ф. 16. Оп. 1. Д. 585. Л. 2–4 об.). 27 мая 1797 г. ответственность за эти мероприятия была возложена на обер-полицмейстера (ЦГА г. Москвы. Ф. 16. Оп. 3. Д. 2974. Л. 384–386).
- ¹⁴ ЦГА г. Москвы. Ф. 14. Оп. 12. Д. 492. Л. 261–261 об.
- ¹⁵ Материалы для истории московского купечества: Общественные приговоры / Сост. Н.А. Найденов. Т. 1. М., 1892. С. 173. № 4; *Кизеветтер А.А.* Гильдия Московского Купечества: Ист. очерк. М., 1915. С. 171.
- ¹⁶ ЦГА г. Москвы. Ф. 14. Оп. 12. Д. 498. Л. 75–76.
- ¹⁷ Там же. Д. 493. Л. 277–290.
- ¹⁸ Там же. Д. 492. Л. 329 об.–330.
- ¹⁹ *Сытин П.В.* Указ. соч. С. 353–354.
- ²⁰ ЦГА г. Москвы. Ф. 14. Оп. 12. Д. 492. Л. 247, 259.
- ²¹ Там же. Л. 268 об.–269; Ф. 16. Оп. 3. Д. 2974. Л. 897–897 об.
- ²² Там же. Ф. 14. Оп. 12. Д. 498. Л. 93–94 об.
- ²³ Там же. Л. 105–105 об.
- ²⁴ Там же. Л. 163–164.
- ²⁵ Там же. Д. 503. Л. 69 об.
- ²⁶ Там же. Д. 498. Л. 163–164.
- ²⁷ Там же. Д. 517. Л. 96–97.
- ²⁸ Там же. Ф. 16. Оп. 225. Д. 239. Л. 1.
- ²⁹ ПСЗ-1. Т. 21. № 15379. С. 464.
- ³⁰ Там же. Т. 25. № 18821. С. 527–528.
- ³¹ Там же. № 18822. С. 528–540.